

122 ИЮН 1972

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА
г. ЛЕНИНГРАД

ТЕАТР на Таганке — театр своеобразный. Его спектакли могут нравиться или не нравиться, но запоминаться они всегда. Броскостью сценического рисунка. Внешней и внутренней динамичностью. Отсутствием полутонной. Обо всем театр говорит громко.

И активно включает нас, зрителей, в действие.

Спектакль «А зори здесь тихие» начинается прямо в фойе. Навстречу нарядной публике, спешащей в зал, вдруг, как бы из прошлого, выходит человек в потертой гимнастерке. Шум ожив-

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ ЖИЗНИ

— ТЕАТР —

ленных голосов прозвучит сирена. Ее звук больно отзывается в сердце. Тревога!

И уже потом мы видим на сцене трагическую историю девушек, которые были солдатами и погибли как солдаты, не успев стать никем иным. Мы узнаем о том, как попал их в лес старшина Васков, чтобы задержать немецких диверсантов. Как вместо двух немцев там оказалось шестнадцать. Как приняли девушки неравный бой. И погибли все. Пятеро.

...Кончается спектакль, и мы снова выходим в фойе. Там в снарядах гильзах зажег вечный огонь в память о тех, чья так рано оборвавшаяся жизнь только что прошла перед нами.

Что это? Реквием павшим в бою? Спектакль-памятник? Нет. Героическая смерть сообщает высокую цену жизни. Потому это еще и завещание павшим тем, кому суждено жить.

В жестокой действительности войны режиссер спектакля Ю. Любимов ищет мерил человеческих поступков, проверяет непреложность нравственных законов. Девушки прошли свой короткий путь очень прямо. И очень просто. Жизнь спросила с них по самому высокому счету —

они расплатились, и задумываясь, со всей самоотверженностью честной юности.

И этот высокий пафос потребовал на сцене выходы повтчки. Он отодвинул все лишнее, мелкое. Театр отказался от бытового повествования, от буднично-житейских форм. Его не интересовала просто еще одна страница военных будней, пусть и талантливо воссозданная в повести Б. Васильева. Он стремился к обобщениям.

Образ спектакля подчеркнут условен. Режиссер убирает все лишнее. Единственное оформленное сцены — доски. Из них складывается кузов грузовика, на котором девушки весной 1942 года приезжают в этот тыловой северный край, где зорят такие тихие. Доски же образуют сарай и нары. Потом — мертвый ночной безучастный лес, среди черных стволов которого притаились фашистские десантники, потом — болотные топи.

Тревожный свет, трагические аккорды музыки дополняют цельный образ спектакля. Лучи прожекторов, шарящих в небе, со скальзывают со сцены прямо в зал, уничтожая рампный как бы подчеркивая непрерывность теку-

щей жизни. Повторяющийся надрывный звук струны создает своеобразный аккомпанемент напряженному военному быту. А печальные народные песни, что поют девушки, перерастают в скорбное отпевание.

Условность режиссуры позволяет укрупнять планы, детали, подчеркивать контрасты. Мы видим девушек с венками в руках в облаке банного пара и через эстетически броские сценические приемы ощущаем противоречие между войной и нормальным человеческим бытом. Стирают бойцы шелковое белье, и таким неслыханным кажется пребывание женщин на войне. Контрасты. Во всем контрасты. Веселые молодые лица, смех, шутки. И рядом — зенитки, взрывчатка, смерть. Такое зазорное озорство девушек и строгое уставное мышление старшин, постоянно и титетно отдающего команду «отставить смех!».

Шаг за шагом, катастрофа за катастрофой — и жизнь выводит старшину Васкова из привычного автоматизма мышления. Все больше и больше духовных нитей связывают его с бойцами, ставшими ему в минуту опасности родными, сестренками.

Рождается высокое воинское братство. И безудержно рыдает Васков, поняв, что не смог, не сумел уберечь их. Был ли он виноват в том, что ушли из жизни и яркая красота Женя Камельковой, и интеллект Соня Гурвич, и мечты Гали Четвертак, и жажда любви Лизы Бричкиной, и материнское счастье Риты Осаньиной? Нет. Не виноват. Он поступил, как велел ему воинский долг. И не тогда совершилась трагедия, когда погибли девушки одна за другой, а уже раньше, когда война, фашизм заставляли их надевать военные шинели.

В спектакле, как и в повести, нет конкретных образов врагов. Фашистская тема проходит в топоте шагов, в угрожающих тенях, в мелькании между деревьями автоматов и немецких касок.

В этом спектакле, пожалуй, более чем во многих других постановках Ю. Любимова, проявлено внимание к характерам персонажей. Запоминается непосредственная и чувствительная крестьянка Лиза Бричкина в исполнении М. Полицеймако. Ее гибель особенно потрясает в спектакле. Ее предсмертный крик, полный яростной жажды жизни, ее взметнувшиеся вверх руки, кото-

рые титетно пытаются ухватиться за что-нибудь твердое в болотной топи. Покорляет повтичностью разумная студентка-отличница Соня Гурвич (Н. Сайко). Точные краски нашла З. Славина для характера строгой, решительной, даже ожесточенной молодой вдовы Риты Осаньиной. Бледнее обрамил Женя Камельковой (Н. Шацкая) и Гали Четвертак (Т. Жукова). Самая большая актерская удача — это Васков в исполнении В. Шопалова. Он удивительно достоверен, знаком. Сколько таких встречалось нам в годы войны. Простодушный, грубоватый, ограниченный служака — таков он в начале спектакля. Постепенно в нем рождается мудрость, появляется глубина чувств, сознание ответственности за судьбы людские. Пережив трагедию, Васков становится личностью. Уже не только уставной долг движет им, а живое чувство гнева и скорби, когда, оставшись один, он выигрывает непосильный бой с врагом.

Некоторая затянутость экспозиции, нечеткая разработка отдельных эпизодов (купания Женя, гибели Четвертак) не снижают в целом высокого эмоционального накала спектакля, посвященного вечному огню памяти героев, погибших за Родину, и вечному огню жизни.

К. КЛЮЕВСКАЯ

И в снимке: артист В. Шопалов в роли старшины Васкова.